

Учение Декарта о врожденных идеях.

Учение Декарта о врожденных идеях стоит в тѣсной связи съ его изслѣдованіемъ о методѣ, критеріи и идеалѣ истиннаго знанія. Точка зрѣнія, съ которой онъ обсуждаетъ почти всюду природу идей, и его аргументація будутъ не достаточно понятны, если не имѣть въ виду его методологическихъ принциповъ, на которыхъ мы поэтому и должны остановиться хотя кратко, раньше чѣмъ обратимся къ самому учению объ идеяхъ. Поводомъ къ изслѣдованію Декарта о методѣ послужило неудовлетворительное состояніе всей области современнаго Декарту знанія. Школьная наука, которую Декартъ изучалъ въ одной изъ лучшихъ іезуитскихъ коллегій своего времени, не отвѣчала запросамъ, которые Декартъ склоненъ былъ предъавлять къ познанию: въ лучшемъ случаѣ она страдала бесплодностью и бесполезностью, въ худшемъ — была исполнена положеній прямо вздорныхъ и противорѣчивыхъ. Мифологія, исторія и филологія, вмѣсто того, чтобы только изощрять умъ и содѣйствовать всестороннему духовному образованію, дѣлались предметами исключительнаго вниманія ученыхъ, заставляя ихъ забывать объ окружающей реальной дѣйствительности и уподобляя ихъ тѣмъ путешественникамъ, которые такъ долго находятся въ отсутствіи, что подъ конецъ забываютъ свою родину¹⁾. Математика, вмѣсто того, чтобы служить цѣлямъ высшаго знанія, занималась слишкомъ ничтожными, по мнѣнію Декарта, предметами. Логика наряду съ немногими полезными правилами давала массу излишнихъ и вредныхъ, которыя такъ же трудно отдѣлить отъ первыхъ, какъ

¹⁾ Dissertatio de methodo, 1.

создать Диану, или Минерву изъ грубаго куска мрамора ¹⁾). Философія была исполнена противорѣчій и даже нелѣпостей: объ одномъ и томъ же предметѣ существовало множество различныхъ мнѣній, между тѣмъ какъ истинное можетъ быть лишь одно ²⁾; даже болѣе того, — нельзя выдумать ничего настолько глупаго, чего не утверждалъ бы какой-либо философъ ³⁾). Неудовлетворенный схоластической ученостью, Декартъ обращается къ путешествію, для того чтобы изученіемъ великой книги міра достигнуть того, чего не могъ онъ найти въ самыхъ рѣдкихъ и замѣчательнѣйшихъ книгахъ, прочитанныхъ имъ въ коллегіи ⁴⁾). Но всестороннее знакомство съ жизнью и воззрѣніями людей еще болѣе подтвердило отрицательные результаты школьнаго обученія, потому что показало ему, что не только въ школьной наукѣ, но и вообще въ человѣческихъ познаніяхъ и мнѣніяхъ нѣтъ ничего устойчиваго и надежнаго. Я замѣтилъ во время моихъ путешествій, пишетъ онъ, что тѣ люди, которые совершенно расходились со мною въ воззрѣніяхъ, вовсе не были варварами, или дикарями, но часто владѣли своимъ разумомъ не хуже и даже лучше меня. Я размышлялъ далѣе, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ и съ однимъ и тѣмъ же умомъ, если онъ первые годы жилъ среди французовъ, или нѣмцевъ, будетъ совсѣмъ по тѣмъ, чѣмъ онъ былъ бы, еслибы воспитывался все время среди китайцевъ, или американцевъ; какъ даже въ неважныхъ вещахъ, на примѣръ, по отношенію къ виду нашихъ одеждъ, то самое, что намъ нравилось десять лѣтъ назадъ и можетъ быть опять понравится черезъ десять лѣтъ, теперь кажется смѣшнымъ и нелѣпымъ: такъ что мы болѣе руководимся примѣромъ и обычаемъ, чѣмъ точнымъ знаніемъ. Я замѣтилъ, наконецъ, что тамъ, гдѣ истину особенно трудно найти, менѣе всего можно полагаться на голосъ большинства, ибо здѣсь гораздо скорѣе могутъ найти истину одинъ, чѣмъ многіе. Но я не могъ найти никого, чье мнѣніе я имѣлъ бы основанія предпочесть другимъ ⁵⁾). Все это побудило Декарта самостоятельно

¹⁾ Ibid. II.

²⁾ Ibid. I.

³⁾ Ibid. II.

⁴⁾ Ibid. I.

⁵⁾ Ibid. II.

искать истину. При этомъ Декартъ, по его собственнымъ словамъ, оказывался въ положеніи путника, который принужденъ совершать свой путь среди ночного мрака: чтобы не сбиться съ пути и не упасть, такому путешественнику не нужно заботиться о скорости ходьбы, а нужно сосредоточить все свое вниманіе на той дорогѣ, по которой онъ идетъ; такъ и Декартъ, рѣшившись пройти самостоятельно весь путь къ истинѣ съ самаго начала, оказывался во мракѣ полного незнанія и долженъ былъ прежде всего сосредоточить свое вниманіе на методѣ, который бы хотя и медленно, но вѣрно велъ къ поставленной цѣли.

Для того, чтобы найти такой методъ, нужно было имѣть какой-либо образецъ научнаго знанія, вполне удовлетворительнаго. Такой образецъ давали отчасти логика, въ которой наряду съ бесполезными правилами были и необходимыя, особенно же алгебра и геометрія, недостатокъ которыхъ состоялъ лишь въ томъ, что имъ давалось ненадлежащее приложевіе, но выводы которыхъ тѣмъ не менѣе отличались непрерываемою убѣдительною. Итакъ, правильный научно-философскій методъ долженъ объединить въ себѣ лучшія стороны этихъ наукъ. Разсмотрѣвъ условія достовѣрности научныхъ положеній въ области трехъ указанныхъ наукъ, Декартъ такимъ путемъ устанавливаетъ свои методологическіе принципы. Принципы эти слѣдующіе: 1) ничего не допускать въ качествѣ истиннаго, кромѣ того, истинность чего узнаешь съ точностью и очевидностью; тщательно избѣгать въ сужденіи опрометчивости и предвзятости; ничего не принимать въ свои выводы болѣе того, что является настолько яснымъ и отчетливымъ, что исключаетъ всякое сомнѣніе; 2) разлагать сложныя проблемы на простѣйшія и каждую изслѣдовать отдѣльно; 3) начинать изслѣдованіе съ самаго простаго и постепенно переходить къ болѣе сложному и трудному; 4) предпосылать всякому изслѣдованію исчерпывающее всю полноту подлежащихъ вопросовъ обзорѣніе, такъ чтобы быть увѣреннымъ, что ни одинъ изъ нихъ не опущенъ изъ вниманія¹⁾. Изъ этихъ четырехъ принциповъ первый имѣетъ наибольшее значеніе въ философіи Декарта и въ частности въ его

¹⁾ Ibid. II.

ученіи о прирожденныхъ идеяхъ. По этому принципу нужно отвергать, какъ ложное все, что можетъ возбуждать хотя малѣйшее сомнѣніе. Разсматривая наши познанія, Декартъ находитъ, что во всемъ можно усомниться, кромѣ существованія самаго сомнѣнія и сомнѣвающагося субъекта. Но сомнѣваться значитъ мыслить. Отсюда знаменитое положеніе Декарта: *cogito, ergo sum*. Разсматривая затѣмъ, чему обязано это положеніе своею несомнѣнностью, Декартъ находитъ причину ея въ необычайной ясности и отчетливости этого положенія. Отсюда онъ выводитъ критерій истиннаго знанія: этимъ критеріемъ должна служить высшая степень его ясности и отчетливости ¹⁾. Впрочемъ, хотя Декартъ два раза ²⁾ выводитъ этотъ критерій изъ *cogito ergo sum*, однако онъ еще гораздо раньше, когда формулировалъ свой первый методологическій принципъ, уже говорилъ о ясности и отчетливости, какъ необходимомъ условіи несомнѣнности знанія. Итакъ, критерій истиннаго знанія найденъ— это ясность и отчетливость его; указанъ и идеаль его, вполне удовлетворяющій этому условію: онъ данъ въ положеніи *cogito ergo sum*. Теперь для того, чтобы построить систему истиннаго знанія, нужно обратиться къ существующимъ въ наличности познаніямъ и посмотрѣть, какія изъ нихъ соотвѣтствуютъ найденной мѣркѣ и какія не соотвѣтствуютъ. Съ этою цѣлію Декартъ и изслѣдуетъ природу и характеръ идей, находящихся въ нашемъ умѣ. Для этого онъ прежде всего, сообразно послѣднему изъ своихъ принциповъ, старается дать исчерпывающее раздѣленіе идей по ихъ видамъ, а потомъ, сообразно второму принципу, разсматриваетъ каждый изъ нихъ отдѣльно. Главнымъ образомъ это дѣлаетъ Декартъ въ своихъ *Meditationes de prima philosophia*, которыя и нужно преимущественно имѣть въ виду при изложеніи его ученія.

¹⁾ De meth. IV.

²⁾ См. Med. III, p. 13 *proinde jam videor pro regula generali posse statuere illud valde clare et distincte percipio*; выводъ формулированъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ какъ и раньше въ Разсужденіи о методѣ (с. IV). Нужно еще прибавить, что Декартъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о безусловной достовѣрности *cogito ergo sum* (Med. III, p. 14), а въ другомъ мѣстѣ сводитъ эту достовѣрность къ невозможности противорѣчія (Princ. phil. I. 7).

Декартъ дѣлитъ всѣ, находящіяся въ душѣ человѣка, идеи ¹⁾ на три разряда. „Изъ этихъ идей, говоритъ онъ, однѣ мнѣ кажутся врожденными (*innatae*), другія пришлыми (*adventitiae*), третьи образованными мною самимъ: ибо, если я понимаю, что такое вещь, что такое истина, что такое знаніе, то это, повидимому, имѣю не откуда иначе, какъ отъ самой моей природы; если же я теперь слышу шумъ, вижу солнце, чувствую оговъ, то въ этомъ случаѣ я признаю, что (мои идеи) происходятъ отъ вещей, внѣ меня лежащихъ; и наконецъ Сирены, Гиппогрифы и подобное измышляются мною самимъ“ ²⁾).

Послѣдній родъ идей, обязанный своимъ происхожденіемъ

¹⁾ *Ideae nomine intelligo*, говоритъ Декартъ, *cujuslibet cogitationis formam illam, per cujus immediatam perceptionem ipsius ejusdem cogitationis conscius sum* (Renati Des-Cartes opera philosophica. Francofurti ad Moenum, sumptibus Friderici Knochii Anno. МДСХСII. p. 74). Такимъ образомъ здѣсь идея опредѣляется какъ *forma cogitationis*. Въ другомъ мѣстѣ она опредѣляется какъ *forma perceptionis* (...dicendo, me per ideam intelligere id omne, quod forma est alicujus *perceptionis*, p. 88). Значить, для опредѣленія смысла слова *идея* у Декарта, нужно знать, какой смыслъ у него имѣютъ слова *cogitatio* и *perceptio*. *Cogitationis nomine*, говоритъ Декартъ, *complector illud omne, quod sic in nobis est, ut ejus immediate conscius sumus. Ita omnes voluntatis, intellectus imaginalionis et sensum operationes sunt cognitiones* (p. 74). Такое же опредѣленіе термина *cogitatio* даетъ Декартъ въ *Principia philosophiae* (I, 9): *cogitationis nomine*, говоритъ онъ здѣсь, *intelligo illa omnia, quae nobis consciis in nobis fiunt, qua tenus eorum in nobis conscientia est: atque ita non modo intelligere, velle, imaginari, sed etiam sentire idem est hic, quod cogitare*. По этому опредѣленію познаніемъ называется всякое сознательное состояніе души. Точно также и подъ словомъ *perceptio* Декартъ разумѣетъ актъ воспріятія чего-нибудь сознаниемъ, будетъ ли то внѣшнее ощущеніе или внутреннее душевное движеніе. Значить, идею называется согласно этимъ опредѣленіямъ всякая сознательная форма душевной жизни. Декартъ, такимъ образомъ, не отличалъ сознательной формы извѣстнаго состоянія отъ идеи этого состоянія, т. е. смѣшивалъ сознаніе съ познаніемъ, отъ этого въ число идей у Декарта попали не только познавательные процессы, но и другія состоянія души, какъ: явленія воли, стремленія, чувствованія и т. д. (см., напр., p. 15, Med. 3). Впрочемъ, нужно замѣтить, что самъ Декартъ, повидимому, чувствовалъ различіе того, что онъ смѣшалъ въ своихъ опредѣленіяхъ. Поэтому, въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ, говоря объ идеѣ, онъ за немногими исключениями всегда называетъ этимъ именемъ собственно элементы познанія.

²⁾ *Meditatio tertia*, p. 14—15.

нашему произволу, конечно, не можетъ давать никакого познанія о дѣйствительно существующемъ.

Второй родъ представленій имѣетъ притязаніе давать знаніе внѣ насъ существующаго. Но это знаніе кажется достовернымъ и истиннымъ только для некритичной мысли. Первые же попытки отнестись къ этому познанію критически открываютъ въ немъ ошибки. Такъ, всѣмъ хорошо извѣстно, что въ своихъ показаніяхъ относительно предметовъ отдаленныхъ, или слишкомъ малыхъ по своимъ размѣрамъ, чувства насъ обманываютъ ¹⁾. А „благоразуміе требуетъ никогда вполнѣ не довѣряться тѣмъ, кто хотя разъ насъ обманулъ“ ²⁾. Кромѣ того, во время сна мы бываемъ увѣрены, что получаемъ внѣшнія воспріятія, которыхъ на самомъ дѣлѣ не имѣемъ. Но размышляя внимательно, мы замѣчаемъ, что нѣтъ никакого вѣрнаго признака, по которому можно бы было отличить безошибочно бодрствованіе отъ сна; можетъ быть, поэтому и въ то время, когда мы твердо убѣждены, что мы дѣйствительно на яву получаемъ впечатлѣнія, мы, на самомъ дѣлѣ, только грезимъ и никакихъ дѣйствительныхъ впечатлѣній не получаемъ ³⁾. Наконецъ, даже независимо отъ указанныхъ обстоятельствъ, чувственное знаніе очень неустойчиво и даетъ намъ слишкомъ измѣнчивыя показанія о внѣшней дѣйствительности и потому не заслуживаетъ названія истиннаго знанія. „Возьмемъ, напр., этотъ воскъ, говоритъ Декартъ. Онъ недавно вытопленъ изъ медовыхъ сотовъ, еще не совсѣмъ потерялъ вкусъ меда и нѣсколько сохранилъ запахъ цвѣтовъ, съ которыхъ былъ собранъ. Его цвѣтъ, форма, величина видимы; онъ твердъ, холоденъ, легко можетъ быть взятъ въ руки и издастъ, если по немъ ударить, нѣкоторый звукъ; наконецъ, въ немъ есть все, что требуется, повидимому, для того, чтобы можно было познать тѣло опредѣленнымъ образомъ. Но вотъ въ то время, какъ я говорю, онъ придвигается къ огню; остатки вкуса уничтожаются, запахъ исчезаетъ, цвѣтъ измѣняется, форма разрушается, величина возрастаетъ; онъ дѣлается жидкимъ, теплымъ, его едва можно

¹⁾ Med. 1, pp. 5—6.

²⁾ Ibid., p. 5, ср. Principia philosophiae I, 4.

³⁾ Med. 1, 6; Princ. phil. I, 4.

коснуться, и, будучи ударенъ, онъ уже не издаетъ звука¹⁾. Такимъ образомъ, познанія, которыя мы составляемъ о воскѣ на основаніи впечатлѣній, получаемыхъ отъ него въ одномъ изъ его состояній, опровергаются впечатлѣніями, полученными отъ него въ другомъ состояніи, и наоборотъ; тѣ или другія свойства, приписанныя нами воску, окажутся неправильно ему приписанными²⁾. Такимъ образомъ, цвѣта, звуки и запахи, вкусы, теплота, холодъ и прочія, чувственно познаваемые, свойства вещей познаются нами очень смутно и темно (*confuse et obscure*), такъ что мы даже не знаемъ, истинны, или ложны эти познанія, т.-е. суть ли идеи указанныхъ свойствъ идеи дѣйствительныхъ вещей, или нѣтъ³⁾. А такъ какъ идеаль и критерій истиннаго знанія есть его ясность и отчетливость, то, значить, чувственное знаніе не можетъ быть названо истиннымъ знаніемъ.

Остается, такимъ образомъ, только одинъ родъ идей, могущій давать истинное знаніе, это—идеи прирожденные. Онѣ на самомъ дѣлѣ способны давать такое знаніе. Эти идеи не только въ дѣйствительности никогда насъ не обманывали, но и не могутъ обмануть. Даже отсутствіе опредѣленнаго признака для различія между сонною грезой и дѣйствительностью, въ корнѣ подрывающее достовѣрность показаній чувственнаго опыта, нисколько не умаляетъ достовѣрность знанія, содержащагося въ прирожденныхъ идеяхъ, и совсѣмъ ея не касается. „Ибо сплю ли я, или бодрствую, два и три во всякомъ случаѣ составляютъ пять, и квадратъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть больше четырехъ сторонъ“⁴⁾. Этимъ характеромъ общепригодности и общеприложимости, независимо отъ какихъ-либо условій, прирожденные идеи обязаны, какъ понималъ и Декартъ, своей высшей общности и абстрактности⁵⁾. Ясность и отчетливость, необходимый признакъ истиннаго познанія, естъ

1) *Meditatio secunda*, p. 11.

2) Очевидно, что здѣсь смѣшивается предметъ познанія съ самимъ познаніемъ: познаніе можетъ быть устойчиво, не смотря на неустойчивость его предмета. Та же ошибка у Декарта встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ

3) *Med.* 3, 1 .

4) *Med.* 1, p. 7.

5) См. *ibid.*

всѣхъ идей наиболѣе присущи прирожденнымъ ¹⁾. Наконецъ, самый предметъ врожденныхъ идей отличаетъ ихъ отъ чувственныхъ идей. Если предметъ послѣднихъ отличается неустойчивостью, сообщающею запутанность и сбивчивость самымъ идеямъ, то, напротивъ, предметомъ идей врожденныхъ являются „истинныя, неизмѣнныя и вѣчныя сущности“ ²⁾. Это служитъ къ тому, что и идеи такихъ вещей являются вѣчными и неизмѣнными, какъ сама истина ³⁾. Такимъ образомъ, ясность и отчетливость, опредѣленность и неизмѣнность, какъ въ отношеніи предмета, такъ и въ отношеніи содержанія, и, наконецъ, высшая общность и вытекающая изъ нея общеприложимость—вотъ отличительные признаки прирожденныхъ идей въ сравненіи съ другими идеями. Кромѣ того, мы уже знаемъ, что прирожденные идеи отличаются отъ прочихъ по своему происхожденію: онѣ однѣ только происходятъ изъ самой природы челоука, и потому, чтобы отличить ихъ отъ другихъ идей, должно помнить, что онѣ не происходятъ ни отъ внѣ, ни отъ нашего произвольнаго вымысла.

Задачей Декарта по отношенію къ прирожденнымъ идеямъ было скорѣе указать признаки, по которымъ ихъ можно отличить отъ другихъ идей, чѣмъ дать полный и подробный перечень ихъ. Послѣднее онъ даже прямо считалъ дѣломъ невыполнимымъ. ⁴⁾ Въмѣсто полнаго перечня врожденныхъ идей, мы находимъ у Декарта нѣкоторыя попытки ихъ классификаціи. Въ письмѣ къ Елизаветѣ, принцессѣ Пфальцской, Декартъ пишетъ: „Мы замѣчаемъ, что въ насъ находятся извѣстные первоначальныя понятія, которыя служатъ какъ бы прототипами, по примѣру кото-

¹⁾ Med. 3, p. 17.

²⁾ Epist. p. II, 54.

³⁾ Это, конечно совершенно ложная мысль, смѣшивающая свойство знанія и свойство предмета, но она тѣмъ не менѣе совершенно свойственна ученію Декарта, какъ это видно изъ вышеприведеннаго Декартова примѣра о воскѣ. Заблужденіе, о которомъ идетъ рѣчь, унаслѣдовано Декартомъ отъ схоластики, а послѣднею отъ древней философіи, гдѣ оно возникло изъ смѣшенія словъ и понятій съ бытіемъ. Вліяніе этого смѣшенія ясно сказалось на ученіяхъ Платона и Аристотеля.

⁴⁾ Principia philosophiae I, 40.

Ср. Grimm'a Descartes' Lehre von den angeborenen Ideen. Iena, 1873. s. 47.

рыхъ мы образуемъ наши прочія познанія. Но такихъ понятій существуетъ очень немного, ибо наряду съ болѣе общими понятіями о существующемъ, каковы понятія числа, продолжительности и др., мы имѣемъ,—по отношенію къ тѣлу, только понятія протяженія, изъ котораго происходятъ понятія фигуры и движенія,—по отношенію къ душѣ, только понятіе мышленія, въ которомъ содержатся познанія разума и склонности воли; наконецъ,—по отношенію къ душѣ и тѣлу вмѣстѣ, только понятіе ихъ связи, отъ котораго зависитъ понятіе той способности, при посредствѣ которой душа въ состояніи приводитъ тѣло въ движеніе, а также понятіе той способности, которая присуща тѣлу, чтобы дѣйствовать на душу—именно, когда оно вызываетъ чувства и страсти въ ней“ ¹⁾.

Приведенная классификація не претендуетъ на полноту, какъ уже видно изъ того, что цѣлый разрядъ идей, названныхъ здѣсь „болѣе общими“, упомянуть только мимоходомъ. Въ этой классификаціи не нашла себѣ мѣста даже главная изъ всѣхъ врожденныхъ идей,—идея Божества. Болѣе полного и математическаго перечня врожденнаго знанія мы напрасно бы стали искать у Декарта. Правда, въ *Principia philosophiæ* Декартъ даетъ перечень познаній, которыя можно назвать ясными и отчетливыми; а по мнѣнію Декарта ясность и отчетливость присущи вполнѣ только врожденнымъ познаніямъ. „Нужно, говоритъ Декартъ, по порядку обращать вниманіе на тѣ понятія (*notiones*), которыя мы въ себѣ имѣемъ, и всѣ тѣ,—но только тѣ,—которыя при этомъ излѣдованіи найдемъ ясными и раздѣльными (*clare et distincte cognoscemus*), должно признать истинными. При этомъ мы прежде всего обратимъ вниманіе на то, что мы существуемъ, поскольку имѣемъ мыслящую природу; далѣе,—что есть Богъ, и что мы отъ Него зависимъ, и изъ разсмотрѣнія Его атрибутовъ можемъ постигнуть истину прочихъ вещей, такъ какъ Онъ есть ихъ причина, что, наконецъ, кромѣ понятій Бога и нашей мысли, есть также въ насъ познаніе многихъ положеній вѣчной истины (*propositionum aeternae veritatis*), какъ, напримѣръ, что

1) *Renati Descartes Epistolae, pars prima, ep. XXIX.*

изъ ничего ничего не бываетъ и пр., далѣе, познаніе всякой природы тѣлесной (corporeae), т. е. протяженной, дѣлимой движущейся и пр., далѣе, нѣкоторыхъ дѣйствующихъ въ насъ ощущеній, какъ: боли, цвѣтовъ, запаховъ, хотя мы еще и не знаемъ, по какой причинѣ они на насъ такъ дѣйствуютъ“¹⁾). Но мы увидимъ потомъ, что этимъ отождѣвленіемъ яснаго и отчетливаго знанія съ прирожденнымъ нужно пользоваться съ осторожностью, потому что оно самого Декарта приводитъ къ противорѣчію. Это особенно хорошо видно изъ приведеннаго здѣсь перечня, въ которомъ къ числу ясныхъ и отчетливыхъ познаній отнесены идеи ощущенія.—По этому мы должны попытаться сами дать перечень прирожденныхъ идей на основаніи сопоставленія различныхъ мѣстъ сочиненій Декарта.

Исходнымъ пунктомъ и краеугольнымъ камнемъ всякаго достовѣрнаго знанія у Декарта является положеніе „*cogito ergo sum*“. Оно же стоитъ у Декарта также и во главѣ прирожденнаго знанія. Этимъ положеніемъ требуется прирожденность трехъ идей: идеи „я“, идеи мышленія и идеи о томъ, что мыслящая субстанція не можетъ не существовать. Декартъ не подозрѣваетъ того, что въ положеніи „я мыслю“ и пр., можетъ вовсе не содержаться идеи мыслящей субстанціи; что „я“ есть субстанція, это для него неоспоримый фактъ, который, думалъ Декартъ, данъ въ актѣ непосредственнаго сознанія; главный атрибутъ этой субстанціи есть мышленіе, которое составляетъ природу и сущность духовной субстанціи²⁾). Идея такого атрибута неотдѣлима отъ идеи ея субстанціи³⁾). Мы знаемъ, что Декартъ называетъ мышленіемъ всякое сознательное душевное состояніе; слѣдовательно, вмѣстѣ съ идеей мышленія прирождены и идеи другихъ душевныхъ состояній, какъ на это указываетъ и Декартъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ письма къ Елизаветѣ Пфальцской; сказавъ, что по отношенію къ душѣ намъ врождена только идея мыш-

1) *Principia philosophiae*, pars. 1, 75.

2) *Una est*, говоритъ Декартъ, *cujusquae substantiae praecipua proprietates ipsius naturam essentiamque constituit, et ad quam aliae omnes referuntur* (*Princ. phil.* p. 1, 53).

3) *Princ. phil.* 1, 62.

левія, онъ затѣмъ добавляетъ „въ которомъ заключаются познанія разсудка и наклонности воли“¹⁾).

Изъ идеи „я“ Декартъ выводитъ многія другія идеи, которыя имѣютъ приложимость какъ къ внутреннему, такъ и къ внѣшнему міру, и даже тѣ, которыя относятся исключительно къ послѣднему. „Изъ того, что есть яснаго и раздѣльнаго въ идеяхъ тѣлесныхъ вещей, кое-что, повидимому, могло быть заимствовано изъ идеи меня самаго, какъ, напр., субстанція, продолжительность, число и другое въ этомъ родѣ. Ибо, если я мыслю, что камень есть субстанція, или вещь, способная существовать сама по себѣ, и также, что я есмь субстанція,—то, хотя, конечно, при этомъ я принимаю себя, какъ мыслящее существо, а камень, какъ вещь протяженную и немыслящую, и отсюда между обоими понятіями большая разница, однако въ отношеніи къ субстанціи оба они совпадаютъ. Также, когда я воспринимаю (percipio), что я существую теперь, и вспоминаю, что и прежде нѣкоторое время существовалъ, а также, когда я имѣю различныя мысли, число которыхъ я сознаю, то я приобретаю идеи продолжительности и числа, которыя потомъ могу переносить въ какіе-угодно предметы. *Все же прочее, изъ чего состоятъ идеи тѣлесныхъ вещей,—именно, протяженіе, фигура, положеніе и движеніе, хотя и не содержится во мнѣ (формально*²⁾, такъ какъ я лишь нечто мыслящее, но такъ какъ они суть только нѣкоторые модусы субстанціи, я же субстанція, то, повидимому, они могутъ содержаться во мнѣ въ высшей степени (eminenter)“³⁾. Аргументація, Декарта содержащаяся въ послѣднихъ словахъ, которыя мы отмѣтили курсивомъ, можетъ служить образчикомъ удивительныхъ схоластическихъ хитросплетеній, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько самъ Декартъ еще не былъ чуждъ вліянія схоластики.

¹⁾ Отсюда, какъ и вообще изъ всего отрывка, видно, что, по Декарту, однѣ прирожденные идеи —вышнія—могутъ заключать въ себѣ много другихъ—низшихъ.

²⁾ Формальная реальность, какъ реальность дѣйствительнаго существованія, противопоставляется у Декарта объективной или предметной реальности—существованію въ познаніи или въ идеѣ (Опредѣленія III в IV. Опр. p. 75).

³⁾ Med. 3, p. 18.

Въ другихъ случаяхъ, какъ мы уже отчасти видѣли, Декартъ говоритъ объ идеѣ матеріальной, или протяженной субстанции, какъ о самостоятельной прирожденной идеѣ. Идея протяженія относится такъ же къ идеѣ матеріальной субстанции, какъ идея мышления къ идеѣ духовной субстанции, потому что протяженіе есть атрибутъ матеріи, составляющій самую ея природу и сущность ¹⁾. Въ понятіи протяженія заключаются и вмѣстѣ съ ними, слѣдовательно, прирождены и идеи другихъ, наиболѣе общихъ опредѣленій матеріальнаго бытія ²⁾. Эти то общія свойства матеріи и сознаются нами ясно въ понятіи всякаго матеріальнаго предмета ³⁾. Какія это свойства, Декартъ указываетъ въ началѣ пятаго размышленія, посвященнаго вопросу „о сущности матеріальныхъ вещей“. „Отчетливо (*distincte*) представляю я количество, которое обыкновенно философы называютъ непрерывнымъ (*continuum*), или протяженіе этого количества или лучше сказать, — количественнаго предмета (*rei quantae*), въ длину, ширину и глубину; перечисляю въ немъ разныя части, этимъ частямъ приписываю какія-нибудь величины, фигуры, положенія и пространственныя движенія, а этимъ движеніямъ какія-либо продолжительности“ ⁴⁾.

Сдѣлавъ вышенаведенное перечисленіе, Декартъ добавляетъ: „и не только эго, разсмотрѣнное такъ въ общемъ видѣ (*in genere*), вполне знакомо и извѣстно мнѣ, но кромѣ того, обращая вниманіе, также воспринимаю безчисленныя частныя познанія о фигурахъ, числѣ, движеніи и подобномъ, истина которыхъ до того очевидна и соответствуетъ моей природѣ, что, когда я ихъ впервые открываю, то повидимому, не столько научаюсь чему-нибудь новому, сколько вспоминаю то, что я уже прежде зналъ, или впервые замѣчаю то, что уже давно во мнѣ было, хотя я прежде не обращалъ на него взора“ ⁵⁾. Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о томъ, что вмѣстѣ съ извѣстными общими понятіями намъ врождены цѣлыя умозрительныя науки, какъ геометрія,

¹⁾ Princ. phil. 1, 53.

²⁾ Epist. p. 1, 29.

³⁾ Med. III, p. 17.

⁴⁾ Med. V, p. 27.

⁵⁾ Ibid.

ариѳметика, механика и т. п... Изъ этихъ умозрительныхъ наукъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ рѣчь о прирожденномъ знаніи, Декартъ говоритъ почти исключительно о двухъ первыхъ. Но уже изъ приведеннаго мѣста вполне явствуетъ, что Декартъ не ограничивалъ ариѳметикой и геометріей числа наукъ, которыя могутъ считаться прирожденными; изъ другого мѣста тѣхъ же *Meditationes* видно, что онъ признавалъ хотя не видно въ какой мѣрѣ, прирожденность астрономіи ¹⁾. Но особенно часто останавливается Декартъ свое вниманіе на наукахъ математическихъ; онѣ для него являются идеаломъ научной достовѣрности; по ихъ образцу онъ, какъ извѣстно, пытался даже построить и осуществить методъ философіи. Достовѣрность этихъ,—какъ, впрочемъ, и другихъ умозрительныхъ,—наукъ безусловна, она не можетъ быть ограничена или уничтожена ни при какихъ мыслимыхъ обстоятельствахъ: если даже наша жизнь есть не болѣе, какъ сонъ, и тогда дважды два не сдѣлается отъ этого ни больше, ни меньше четырехъ, два и три всегда будутъ составлять пять, а квадратъ будетъ имѣть не болѣе четырехъ сторонъ ²⁾: если даже виѣ насъ пѣтъ не только квадратовъ и треугольниковъ, но и вообще никакой реальности,—математическія познанія и тогда нисколько не страдаютъ со стороны своей достовѣрности, не утратятъ своей, по выраженію Декарта, „истинной и неизмѣнной природы“. Кромѣ этой безусловной достовѣрности, не могущей исходить изъ опыта и совсѣмъ отъ него независимой, прирожденность математическихъ понятій доказывается тѣмъ, что и содержаніе ихъ не могло произойти изъ опыта. Относительно ариѳметики это понятно само собой изъ того, что идея числа, какъ уже показано было, обязана своимъ происхожденіемъ внутреннему опыту ³⁾ Не такъ это очевидно относительно геометріи. Остается, повидимому, возможность предполагать, что понятія о ея фигурахъ и касающіяся ихъ истины получены опытнымъ путемъ. Декартъ старается поэтому до-

1) *Med.* 3, p. 15; ср. также *Med.* 1, pp. 6—7, гдѣ виѣтъ съ ариѳметикой и геометріей поставлены „и другія“ того же рода.

2) *Med.* 1, p. 7.

3) *Med.* 3, p. 18.

казать противное. Что происхожденіе нашихъ понятій о геометрическихъ фигурахъ не зависитъ отъ опыта, это доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что я могу представить безчисленныя фигуры, которыя несомнѣнно мнѣ никогда въ опытѣ не встрѣчались, и которыя однако вовсе не произвольныя выдумки моей фантазіи, потому что и относительно ихъ, и ихъ свойствъ, какъ и о всѣхъ геометрическихъ фигурахъ возможно ясное и отчетливое, а слѣдовательно истинное знаніе ¹⁾; таково напр., понятіе о тысячеугольникѣ ²⁾). Но если мы даже возьмемъ такія геометрическія понятія, которыя по принятому вульгарному мнѣнію могли бы быть заимствованы изъ опыта, при болѣе строгомъ взлѣдѣ надѣло найдемъ, что они никакъ не могли произойти изъ него, потому что въ немъ мы никогда не можемъ встрѣтить того, что содержится въ этихъ понятіяхъ: такъ, въ опытѣ мы не находимъ длины безъ ширины, ширины безъ глубины, потому что всякая вещь, встрѣчающаяся намъ здѣсь, имѣетъ три измѣренія; не найдемъ мы въ опытѣ идеальной прямой линіи, потому что въ линіяхъ, представляющихся въ опытѣ наиболѣе прямыми, вооруженный луною глазъ открываетъ неправильности и кривизну, точно также пѣтъ въ опытѣ и идеальныхъ геометрическихъ фигуръ, такъ что, напр., если мы встрѣчающийся въ опытѣ треугольникъ признаемъ таковымъ, или сами даже когда-нибудь вырѣзывали изъ бумаги треугольникъ, то это потому, что мы уже напередъ имѣли понятіе о треугольникѣ ³⁾.

Доказано, такимъ образомъ, что математическія понятія фигуръ не могутъ происходить изъ опыта; но они также не могутъ быть простою нашею выдумкою, какъ, напр., золотая гора, крылатый конь и пр... Это видно уже изъ того, что они даютъ намъ ясное и очевидное, а слѣдовательно истинное знаніе; стало быть они никакъ не могутъ быть считаемы за пѣчто совсѣмъ не существующее, за чистое ничто ⁴⁾. Но и помимо этого есть существенное различіе между математическими истинами и созданіями нашего

¹⁾ Med. V, p. 27—28.

²⁾ Med. VI, 31.

³⁾ *Responsio ad quintas objectiones de iis, quae in quintam Meditationem objecta sunt.* Opp. pp. 227—228.

⁴⁾ Med. V, p. 27—28.

воображенія. Между тѣмъ какъ послѣднія легко могутъ быть разложены на тѣ частныя представленія, изъ которыхъ они составлены нами, первыя не поддаются такому разложенію ¹⁾; такъ, напр., очень легко представленіе крыльевъ отдѣлить отъ представленія лошади, но представленіе треугольника нельзя отдѣлить отъ того его свойства, по которому сумма угловъ его равна двумъ прямымъ ²⁾.

Если, такимъ образомъ, математическія истины не могли быть ни заимствованы нами изъ опыта, ни выдуманы произвольно, то остается только одно возможное объясненіе ихъ происхожденія: онѣ должны быть признаны природными.

Кромѣ идей духовной и тѣлесной субстанціи съ ихъ основными свойствами вмѣстѣ съ идеею ихъ взаимной связи въ человѣкѣ, Декартъ причислялъ къ природнымъ идеямъ всѣ высшія отвлеченія человѣческаго ума. Сюда, какъ мы уже видѣли, нужно отнести самое понятіе субстанціи или вещи (*res*) и соотносительныя съ ними понятія состоянія, атрибута, свойства, понятіе истины, вѣроятно, также понятія аристотелевскихъ предикабилій: *genus*, *species*, *differentia*, *proprium*, *accidens* ³⁾.

Если непосредственное сознаніе своего духовнаго бытія, освѣщая для насъ нашу собственную природу, служитъ исходнымъ пунктомъ, и руководящимъ началомъ въ дѣлѣ открытія присущихъ ей идей, то высшимъ завершеніемъ всего ряда этихъ идей является идея Бога. Она должна быть названа высшею не только по своему предмету, но и по своему гносеологическому значенію для всѣхъ другихъ идей. Хотя, какъ мы знаемъ, основаніемъ достовѣрности природенныхъ идей является ихъ непосредственная очевидность, подобная очевидности положенія *cogito ergo sum*, однако

¹⁾ Декартъ при этомъ различаетъ два рода разложенія:—одинъ, когда представленіе предмета отдѣляется отъ представленія его свойствъ,—это абстракція, возможная только въ мысли, а не въ дѣйствительности;—другой, когда извѣстное представленіе распадается на два (или болѣе) представленія предметовъ. Въ данномъ случаѣ Декартъ, конечно, имѣетъ въ виду послѣднее.

²⁾ *Responsio ad primas objectiones*, p. 53.

³⁾ *Cp. Med. III*, p. 14—15—*Princ. phil.* 55—59.

эта достовѣрность не исключаетъ совершенно всякаго сомнѣнія: остается возможность думать, что самая природа наша, которая не можетъ противостоять признанію истинности извѣстныхъ идей, или ея виновникъ, такъ ее устроившій, что она не можетъ обойтись безъ этихъ идей, обманываютъ насъ. Но когда мы знаемъ, что виновникъ этой природы—Богъ, Существо всеправедное, всеблагое, — словомъ всесовершенное, то всякая возможность обмана исчезаетъ: Богъ не можетъ насъ обманывать ¹⁾.

Содержаніе идеи Бога Декартъ опредѣляетъ такъ: „Подъ именемъ Бога я понимаю нѣкоторую субстанцію, — безконечную, независимую, въ высшей степени премудрую, въ высшей степени могущественную, которую какъ я, такъ и все прочее..., сотворено ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ Декартъ указываетъ на то, что въ этомъ повятіи заключается также признакъ бытія, притомъ настолько же необходимо, насколько необходимо въ идеѣ треугольника заключается признакъ, что сумма его угловъ равна двумъ прямымъ ³⁾. — Самое содержаніе идеи о Богѣ свидѣтельствуетъ, что она происходитъ отъ Самого Бога. Ни откуда иначе—ни отъ внѣшняго опыта, ни отъ насъ самихъ—эта идея не могла произойти: въ причинѣ идеи должно быть, по Декарту, не менѣе *формальной* реальности, сколько въ самой идеѣ *объективной* реальности, такъ что идея безконечной субстанціи могла произойти только отъ безконечной субстанціи ⁴⁾. При этомъ Декартъ разсматриваетъ возможные возраженія противъ предложеннаго имъ рѣшенія вопроса.—

¹⁾ Med. I, p. 7; Med. III, p. 21; ср. Princ. phil. p. 1, 29—30.—Нужно, впрочемъ, сказать здѣсь, что въ этомъ пунктѣ система Декарта не чужда противорѣчія, подмѣченнаго еще современниками философа. Высшее ручательство истинности нашихъ прирожденныхъ идей заключается, по Декарту, въ идеѣ Бога. Такое значеніе идеи Бога обуславливается ея объективностью, которую Декартъ и старается, какъ мы увидимъ, доказать. Но почему нужно признать силу этого доказательства? Не въ силу ли присущей ему очевидности? Если такъ (а Декартъ это и признавалъ—Med. III, 19), то опять приходимъ къ тому, что очевидность (по Декарту *claritas et distinctitas*) служитъ основаніемъ достовѣрности самаго бытія Божія.

²⁾ Med. III, 18.

³⁾ Med. V, p. p. 28—29, Princ. phil. p. 1, 14.

⁴⁾ Med. III, pp. 16—17.

Не получается ли идея безконечнаго чрезъ простое отрицаніе конечнаго, подобно тому, какъ идея покоя есть отрицаніе идеи движенія, идея темноты — отрицаніе идеи свѣта? — Нѣтъ, это невозможно, потому что идея безконечнаго вовсе не отрицательная идея; напротивъ, въ ней болѣе положительнаго содержанія, чѣмъ въ противоположной ей, такъ какъ въ безконечной субстанціи несравненно болѣе реальности, чѣмъ въ конечной. Поэтому не идея конечнаго предшествуетъ идеѣ безконечнаго, а совсѣмъ наоборотъ. — Но можетъ быть идея Бога матеріально ложная и потому могла произойти изъ ничего, какъ это можно предполагать относительно идей холода, теплоты?—И это невозможно, потому что изъ всѣхъ находящихся во мнѣ идей идея Бога есть самая ясная и отчетливая, а слѣдовательно, и самая истинная. Можетъ быть, идея Божества имѣетъ своимъ источникомъ присущую мнѣ самому способность постепеннаго совершенствованія, которой нельзя указать границъ, и которую потому можно назвать безконечной?—Ни въ какомъ случаѣ: во мнѣ безконечныя совершенства существуютъ только въ возможности, при чемъ я могу приближаться къ нимъ постепенно, что само по себѣ есть признакъ несовершенства; между тѣмъ въ идеѣ Божества эти совершенства мыслятся сразу данными въ такой мѣрѣ, что къ нимъ уже ничего нельзя прибавить. — Можетъ быть, наконецъ, мы напрасно предполагаемъ, что идея Божества обязана своимъ происхожденіемъ одной Высочайшей Причинѣ? Можетъ быть, она есть результатъ многихъ причинъ, изъ которыхъ одна дала намъ представленіе объ одномъ совершенствѣ, другая о другомъ и т. д., такъ что, хотя совершенства, мыслимыя въ идеѣ Бога, дѣйствительно существуютъ гдѣ-либо въ мірѣ, но всѣ не соединяются въ одномъ существѣ? — Но тогда откуда „единство, простота и недѣлимость всего того, что есть въ Богѣ,—одно изъ преимущественныхъ совершенствъ, какія я въ немъ знаю“? Причина этого единства не можетъ находиться во мнѣ, потому что тогда бы я зналъ составные элементы этого предполагаемаго сложнаго цѣлаго, зналъ бы, откуда каждый изъ нихъ происходитъ ¹⁾. „Остается изслѣ-

¹⁾ Med. III, p. 18.

довать, говорить Декартъ, какимъ способомъ я получилъ отъ Бога эту идею; ибо изъ чувствъ я ея не почерпнулъ, и непримѣтно для меня она не могла придти, какъ идеи чувственныхъ вещей, когда эти вещи въ дѣйствительности или только повидимому встрѣчаются внѣшнимъ чувственнымъ органомъ; и мною самимъ она также не создана, ибо я не могу ничего отъ нея отнять и ничего къ ней прибавить; слѣдовательно, останется только признать, что она мнѣ врождена, — такъ же, какъ мнѣ врождена идея меня самого. И конечно не удивительно, что Богъ, создавая меня, вложилъ въ меня эту идею, чтобы она была какъ бы знакомъ художника, напечатлѣннымъ Имъ на своемъ произведеніи; при этомъ даже нѣтъ нужды, чтобы такой знакъ былъ чѣмъ-нибудь отличнымъ отъ самого произведенія, но изъ одного того, что Богъ меня создалъ, весьма вѣроятно, что я созданъ по образу и подобію Его, и что это подобіе, въ которомъ содержится идея Бога, воспринимается мною посредствомъ той же способности, посредствомъ которой я воспринимаю себя самого, т. е. обращая душевный взоръ на себя самого, я не только вижу, что я существо несовершенное и зависящее отъ другого, — существо, строящееся безъ конца все къ большему и большему, или къ лучшему, но въ то же время вижу также и то, что Тотъ, отъ котораго я въ зависимости, то большее все имѣетъ въ Себѣ не неопредѣленно и потенциально, но на самомъ дѣлѣ безусловно и, слѣдовательно, есть Богъ“ ¹⁾).

Мы указали прирожденныя идеи, которыя, по мнѣнію Декарта, содержатъ въ себѣ познаніе дѣйствительныхъ предметовъ. Этимъ, однако, не исчерпывается вся область прирожденнаго знанія. Къ нему относятся также идеи формальныхъ принциповъ познающей дѣятельности, которые не даютъ намъ знанія о дѣйствительно существующихъ вещахъ. Самъ Декартъ рѣзко различаетъ эти два рода прирожденнаго знанія. „Есть различіе, говоритъ онъ, изслѣдую ли я какое нибудь общее понятіе (*notionem communem*), которое настолько ясно и обще, что можетъ служить въ качествѣ принципа, чтобы доказывать существованіе всѣхъ послѣ

¹⁾ Мед. III, p. 21:

того познаваемыхъ вещей, существованіе которой намъ извѣстиѣ, чѣмъ существованіе какихъ-нибудь другихъ, такъ что она можетъ служить въ качествѣ принципа для познанія послѣднихъ. Какъ принципъ въ первомъ смыслѣ можетъ быть названо положеніе: невозможно, чтобы что-нибудь въ одно и то же время было и не было. Это положеніе хорошо можетъ быть употреблено, но не для того, чтобы находить сущ.ствованіе какой-нибудь вещи, а только для того, чтобы существованіе вещи подтвердить заключеніемъ въ родѣ слѣдующаго: невозможно, чтобы нѣчто существующее не существовало. Это, конечно, помогаетъ мало и ничему насъ не научаетъ. Во второмъ смыслѣ важнѣйшимъ принципомъ является то, что наша душа существуетъ, ибо нѣтъ ничего, существованіе чего намъ было бы извѣстиѣ¹⁾. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Декартъ довольно пренебрежительно относится къ формальнымъ принципамъ знанія²⁾, не замѣчая, что отъ нихъ-то именно и зависитъ достовѣрность всякаго знанія, какъ это неволью признаетъ и самъ Декартъ, когда прзводитъ достовѣрность своего *cogito ergo sum* къ закону противорѣчія. Формальныя природенныя истины Декартъ называетъ „общими попятіями“ (что, конечно, неудачно, такъ какъ это не — понятія, а сужденія); „вѣчными истинами“, истинами „естественнаго свѣта“ (*lux naturalis*), при чемъ заявляетъ, что полное перечисленіе ихъ невозможно, да и не нужно, потому что не даетъ намъ никакого знанія о дѣйствительно существующемъ³⁾. Вотъ, для примѣра, положенія, указываемыя Декартомъ въ качествѣ „вѣчныхъ истинъ“: нѣчто не можетъ въ одно и то же время быть и не быть; ничего изъ ничего не бываетъ, и что то же: *ничто* не можетъ быть дѣйствующею причиною вещи; происшедшее не можетъ быть непроизшедшимъ; кто мыслить, тотъ долженъ существовать въ то время, какъ мыслить; прибавляя равныя (величины) къ равнымъ, получаемъ равныя и т. п.⁴⁾... Хотя Декартъ говоритъ, что

1) Epist. CXVIII, p. 1.

2) Cp. Princ. philos. p. 1, 7.

3) Princ. philos. *ibid.*

4) Princ. phil. p. 1, 13. 49. 75. *Rationes, Dei existentiam et animae a corpore distinctionem probantes, more geometrico dispositae, postul 3, p. 76 и др.*

такихъ положеній безчисленное множество ¹⁾, однако, почти всѣ, какія онъ указываетъ, представляютъ собою законъ противорѣчія—или въ общемъ видѣ, или въ частныхъ примѣненіяхъ его.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Городенскій.

¹⁾ Princ. phil. p. 1, 49.